

Константин А. Ильницкий

Место приложения любви

Место приложения любви

Это место приложения любви:
дом, семья, машины, гаражи,
офисы, заводы, чертежи,
замки, кафедры, витражи,
море, лес и горы, виражи,
собственная иль чужая жизнь...
что угодно – только приложи!

Чувство вины

У кого-то нос пирожком,
у кого страна сапожком,
у кого-то вместо страны
чувство вины.

Я объездил немало стран
и узнал – есть страна Майдан,
там свободы нашли исток –
ручеек.

А свобода – такой подъем,
что не дрогнешь и под огнем.
Правда, сердце болит о том,
что потом.

Но зато убедилась власть,
коль захочет прикрыть напасть,
половодье, как в ледоход,
все сметет.

Только что мне делать с виной
и моею больной страной,
где приемлют ворье и грязь,
не стыдись?

Говорили, грядет исход,
чтоб о рабстве забыл народ.
Только где же наш Моисей?
В USA?*

И придумала что за бл*дь
поколеньями вымирать,
чтоб потомки узрели свет.
Или нет.

Глядя на Арарат

Мне свобода безверия ближе,
чем грузила церковных вериг.
Но в структуре мышления вижу
и абсиды, и алтари.

Это просто не очень заметно,
как в привычных конструкциях фраз
потаенная ветхозаветность
каждый раз формулирует нас.

Все пространство житейской дороги
так же купольно, как небосвод.

* Рифма заимствована у М. Векслера.

Кто на выход – слабеют ноги,
а душа тренирует взлет.

Тут бы церковку на вершине,
где пространство собрав в щепоть,
высотой, глубиной и ширью
осенил бы тебя Господь.

...

Люди смертны, грядущее лихо
повсеместно смущает умы.
Но кому-то является выход,
как монашек из храмовой тьмы.

Пусть молитвы звучат невпопад,
и от ладана головы кружатся,
это очень полезный обряд –
приручение смертного ужаса.

Когда мир переполнен грехом,
актуален библейский рассказ.
Я уйду, ты уйдешь, что потом?
Что потоп? Что придет после нас?

Белая ночь

Росли по болотам сосна да осина,
сосна да осина, да стайки берез,
подолы ветвей подобрыв, уносились.
Колеса стучали, чадил тепловоз.

Росли по болотам сосна да осина,
дымились глазницы бессонных озер.
И ярилось солнце в напрасном усилье
достать горизонт – и на дно, как топор.

Любимая, знаю, тебе не по силам
сносить расставанье, разлуку, но все ж
зачем белой ночью меня ослепила,
зачем двое суток уснуть не даешь?

Вагонные радости – спутник веселый,
купейные пропасти – с полки как с нар.
Пусть Лоухи, злая старуха Похъёлы,
скорее похитит малиновый шар.

Я стану у сна благодарнейшим пленником,
лишь только к подушке притронусь щекой.
А тамбуры пахнут березовым веником,
а станции пахнут древесной щепой.

Однокурсница

«Миром правят деньги и расчет.
Однокашник наш умом не блещет,
а каких сумел достичь высот.
Научись трезвей смотреть на вещи.
На тебя сегодня не в обиде.
Не звонил тогда, а я хотела.
Ну, пока, приятно было видеть».

Села на метлу и улетела.

Равенна

Как бы ни было грустно,
несправедливо, зря,
реки меняют русла,
суша теснит моря.

Если ушли глубины,
на берегу пустом
мрут города-рыбины,
воздух хватая ртом.

Но сохранив бесценный
римских базилик стиль,
словно вдова, Равенна
будет свой крест нести.

Чтобы воздать по вере
тем, давно неживым,
кто красоту империи
создал, кто строил Рим.

* * *

Время тщится расставить
все по своим местам.
Только где моя память?
Опять не в ладах с эпохой?

Не гоняют нас строем,
топтуны не бредут по пятам.
Ну а счастье в период застоя
не так уж и плохо.

Глобальные мечты

Ко мне приходят с обыском,
но мнутса у дверей.
Ведь я рулю по глобусу,
где выпуклость морей.

Где все слова просолены
и не годны в печать.
Накроет так муссонами,
что света не видать.

Где не найдут бандиты,
и не страшит меня
просроченность кредитов
и жуткая пеня.

Послать бы всех брутально
куда-то далеко
и помечтать глобально
на лавке под пивко.

Рифмы

Предначертания – это все мифы.
Правят форматы мамаш и отцов.
Пары свои мы находим, как рифмы,
путаясь часто в значениях слов.

Где-то удачно, а где-то печали
множатся так, что и свет уж не мил.
Просто ребята не в рифму попали,
а переписывать судьбы нет сил.

Заблудившаяся кривая

От Житомира до Усть-Луги
проживаем, того не зная,
что в основе любого круга –
заблудившаяся кривая.

Растерявшаяся от сознания,
что всему наступает срок.
Геометрия выживания –
это носом найти пупок.

Говорили, есть временная
и пространственная прореха.
За нее мы тост поднимаем:
«Ехать надо! И надо ехать!».

А уж с тостами вовсе просто нам –
расширяется угол зрения.
В Древний Рим бы рвануть лоукостером
в тридевятое измерение.

Римлян гонор и кельтов чаянья,
как измерить, чего вы стоили?
И курвиметр рулит отчаянно
вслед за мной по кривым истории.

Или можно собраться летом,
что позволено даже смертным,
и за год округлить планету
путешествием кругосветным.

География – сумасшедшая.
От предчувствия обмирая,
как кривая, себя нашедшая,
я кружу по кольцу трамвая.

